

УДК 82

**SEMPER IDEM: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ПОБЕДА
ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ НАД ПРЕХОДЯЩЕЙ СМЕРТЬЮ**

(А.Е. Махов. Избранные сочинения: В 3 т. Т. 1. О русской литературе / Составление, общая редакция, предисловие О.Л. Довгий. Тула: Аквариус, 2023. 720 с.)

© Гапоненкова Марина Юрьевна (2023), ORCID: 0000-0002-0463-2350, SPIN-код: 9131-4572, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), marinagaponenkova@gmail.com

В рецензии дается характеристика первого тома собрания сочинений Александра Евгеньевича Махова (1959–2021), впервые объединяющего в рамках одного издания труды ученого, посвященные истории русской литературы и журналистики первой трети XIX века.

Ключевые слова: А.Е. Махов, Пушкин, русская литература, русская журналистика.

Первый том избранных сочинений Александра Евгеньевича Махова возвращает в актуальный филологический контекст труды автора, посвященные истории русской литературы, журналистики и культуры первой трети XIX века. Уже этим возвращением книга примечательна: исследования Махова по истории русской литературы долгое время оставались в тени его работ о европейском романтизме, европейской поэтике, о музыке и слове, об эмблематике как семиотической системе, о христианской демонологии – в этих сферах Махов – признанный специалист, однако и его вклад в русистику значим и интересен, подтверждением чему стало настоящее издание.

Обращает на себя внимание и структура книги. В предисловии О.А. Довгий, открывающем собрание сочинений, не приводятся факты биографии, не подводятся итоги, даже не столько анализируются концепции и метод Махова, сколько задается направление чи-

тательского восприятия: через акцентирование специфики взгляда, динамики и свободы исследования составитель, как соавтор и собеседник, побуждает и читателя к диалогу с текстом. Неслучайно три раздела книги предваряет своеобразное введение – «Природа в художественном мирозерцании А. Пушкина», сочинение, которое шестнадцатилетний Махов написал в 1976 году на вступительном экзамене на филологический факультет МГУ. Можно рассматривать эту работу как «раннего Махова», но важнее и, как нам представляется, правильнее увидеть в ней символическую, но живую биографию ученого, нашедшего свою тему в самом начале научного пути, уже формирующиеся принципы развития научных интересов, их разнообразие и потенциальные взаимосвязи между разными периодами, культурами, литературами и областями знания, которые сформировали феномен, названный О.А. Довгий *магическим кристаллом* Александра Махова.

Разделы книги озаглавлены *Historia, Argumentum, Fabula*. Как писал Махов, эта латинская триада, разработанная Цицероном, для средневековой поэтики стала источником разделения словесности и классификации жанров [Махов 2010, 13–14], в собрании трудов самого Махова эта формула определила композицию и расположение текстов. Так, *Historia* включает в себя дипломную работу «Своеобразие романтического восприятия в лирике А.С. Пушкина 1820-х годов», кандидатскую диссертацию «Журнал “Телескоп” и русская литература 1830-х годов» (так же, как и вступительное сочинение, публикуются впервые) и статьи, написанные для биографического словаря «Русские писатели, 1800–1917» и энциклопедии «Литературные термины и понятия» под редакцией А.Н. Николукина. Раздел *Argumentum* объединяет четырнадцать статей разных лет, многие из которых были опубликованы в журнале «Русская речь», и доклад «Камень и текст: надгробие как система смыслов», прочитанный в ИАЭ РАН на конференции «Исследования танатологических практик и верований: представления, места, практики» в 2018 году. В *Fabula* включены статьи из книги «Двенадцать зеркал Пушкина» [Довгий, Махов 1999], интервью с Маховым, посвященное этой книге, и еще две статьи – о параллелях в судьбе Петра I и Пушкина (написана в соавторстве с О.А. Довгий) и об Алексее Вульффе. Завершают книгу список публикаций Махова, ссылки на видеозаписи его выступлений и именной указатель.

В статье о Державине, трактуя контекст понятий удивления и остроумия, Махов отмечает, что «“Острота ума” – и есть способность “разностью предметов” “возбуждать удивление”» [Махов 2023, 463]. Работы, составляющие том «О русской литературе», и сама их последовательность представляют разнообразие научных интересов Махова и предметно, и структурно, и методологически. Однако в этом разнообразии есть и доминанта: центральное положение в нем отдано Пушкину – он становится не просто одним из концептуальных топосов, роль Пушкина угадывается в идеях Махова постоянно. Неслучайно он отмечает в Пушкине подвижность собственного я поэта [Махов 2023, 634] – взгляд Махова тоже подвижен и в этой подвижности обретает свободу поиска и идеи, замысла и высказывания. Те *увеличительные стекла*, которые мешают нам увидеть Пушкина и о которых писал Валерий Брюсов [Брюсов 1929, 9], Махов заменяет символическими зеркалами и в них, если использовать выражение того же Брюсова, *угадывает* Пушкина, нам же, по замыслу составителя, предоставляется возможность угадать в них самого Махова. Действительно, зеркальные отражения фиксируют не только фигуры представителей золотого века русской культуры и исследовательские выводы Махова, но и топосы его мышления, раскрываются как его собственный метод и как структурная идея всего тома: мы находим в нем и знаковые для русистики работы (о теории лирики Державина, о теории Бахтина применительно к переводу как транскультурному тексту), и астрологические *шалости* из «Двенадцати зеркал Пушкина».

Об этой последней работе стоит сказать особо. «Двенадцать зеркал Пушкина» Махов называет полемическим продолжением «Прогулок с Пушкиным» Абрама Терца [Махов 2023, 628]. Тексты из этой работы, как и остальные, включенные в раздел *Fabula*, оставляют впечатление своеобразной игры, *как бы внеэтичной*, если воспользоваться определением Махова, которое он дает в статье «Игровое поведение в лицейской лирике Пушкина». Но эта *внеэтичность* по отношению к «Прогулкам с Пушкиным» в самом деле полемична, поскольку она не обращается в *духовно-интеллектуальное разрушительство*, как, на наш взгляд, справедливо оценил книгу Терца Роман Гуль [Гуль 1982, 5]. У Махова она, эта внеэтичная игра, становится *герменевтическим инструментом* [Махов 2014, 39]: отраженные друг в друге, Пушкин и его современники одновременно живы и эмблематичны, и автор, вслед за Монтенем

воспринимающий мир как зеркало и как книгу, предлагает свое толкование текстов и образов или, возможно, создает еще одно зеркало: «Этот огромный мир, многократно увеличиваемый к тому же теми, кто рассматривает его как вид внутри рода, и есть то зеркало, в которое нам нужно смотреться, дабы познать себя до конца» [Монтень 1954, 204]. Изучение этого мира Маховым в контексте русской литературы – в какой-то мере *шалость* (он не хочет, чтобы Пушкину с нами было тоскливо [Махов 2023, 631]), но в то же время игра парных отражений всякий раз разворачивается в предельную серьезность пары смерть – жизнь.

Выше мы говорили о возможности диалога составителя и читателей с текстом – пожалуй, точнее будет сказать об их диалоге с Маховым, поскольку в первом томе избранных сочинений он представлен отчетливо индивидуализированно, в каком-то смысле символически и даже эмблематично. Эта эмблематичность подчеркивается и оформлением. Лев, смотрящийся в зеркало, на обложке – зафиксированное в эмблеме *semper idem*, фотография автора с зеркальной камерой, готовящегося к съемке, выбранные шрифты и иллюстрации, которых в книге немало, даны не как дополнения, но как органичные и необходимые составляющие диалогического текста.

Издание первого тома не предполагает подведения итогов. Второй и третий тома полнее раскроют замысел составителя, собранные в одном издании труды Махова отчетливее представят его взгляд на литературу, искусство, культуру. Вероятно, сохранится и живой диалог автора и с читателем, и с исследуемым предметом, так что и все собрание сочинений не станет статично *сухим, серьезным и скучным* [Махов 2023, 631]. Мы вправе ожидать от него новых *отражений*, увиденных в контексте той исследовательской свободы, которая открывает в искусстве перспективу «победы вечной жизни над переходящей смертью» [Махов 2023, 16].

Источники

Довгий, Махов 1999 – Довгий О.Л., Махов А.Е. *Двенадцать зеркал Пушкина*. М., 1999.

Махов 2010 – Махов А.Е. *Европейская поэтика: темы и вариации* // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель. М., 2010. С. 7–72.

Махов 2014 – Махов А.Е. *Эмблематика. Макрокосм*. М., 2014.

Махов 2023 – Махов А.Е. *Избранные сочинения: В 3 т. Т. 1. О русской литературе*. Тула, 2023.

Монтень 1954 – Монтень М. *Опыты. Книга первая.* М.–Л., 1954.

Литература

Брюсов 1929 – Брюсов В. *Мой Пушкин: Статьи. Исследования. Наблюдения.* М.–Л., 1929.

Гуль 1982 – Гуль Р. *Одвуконь два. Статьи.* Нью-Йорк, 1982.

**SEMPER IDEM: RUSSIAN LITERATURE AS THE
VICTORY OF ETERNAL LIFE OVER PASSING DEATH**

(Alexander Makhov. Selected works in 3 volumes. Volume 1. On Russian Literature / Ed. O. Dovgy. Tula: Aquarius, 2023. 720 p.)

© **Гарееenkova Marina Yurievna** (2023), ORCID: 0000-0002-0463-2350, SPIN-code: 9131-4572, PhD in Philology, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarina Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), marinagapeenkova@gmail.com

The review presents the collected works of Alexander Makhov (1959–2021) (volume 1). The publication for the first time collects Makhov's studies on the history of Russian literature and journalism of the early 19th century.

Keywords: A.E. Makhov, Pushkin, Russian literature, Russian journalism.

References

(Monographs)

Брюсов 1929 – Bryusov V. *Moj Pushkin: Statji. Issledovaniya. Nablyudeniya* [My Pushkin: Articles. Research. Observations.]. Moscow – Leningrad. 1929. (In Russian).

Гуль 1982 – Gul' R. *Odvukon' dva. Statji* [Odvukon two. Articles.]. New York, 1982.

Поступила в редакцию 12.07.2023